

УДК [247.2/3+726.591.1] (476) «16/18»; ББК 86.377;
 DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.210>

Г. А. Фликоп-Свито

«МЕСТНЫЕ АЛТАРИ» — УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

ВВЕДЕНИЕ

Работая с историческими документами конца XVII – начала XIX в., в которых содержатся сведения об интерьерах униатских (греко-католических) церквей Беларуси, нами было обращено внимание на регулярно встречающиеся упоминания о необычном явлении, характерном исключительно для данной конфессии: включении в состав иконостаса алтарей. В некоторых источниках даже использовалось специальное понятие для его определения — «местные алтари» (в польско-язычном варианте «ołtarze namieszne»). Именно этот термин, вынесенный нами в заголовок, мы и предлагаем употреблять в дальнейшем при упоминании этого специфического явления.

«Местные алтари» представляют собой иконы местного (отсюда и название) чина иконостаса с приставленными к ним престолами, на которых могли служить, в соответствии с католическими традициями, заказные мессы. До настоящего времени данное явление не только не изучалось должным образом, но даже вскользь не затрагивалось в работах, посвященных истории и функционированию греко-католической Церкви, ее сакральному наследию. Единственное упоминание о данном явлении нам встретилось в работе белорусского искусствоведа А. Ярошевича¹. Такое «игнорирование» темы объясняется полной утратой артефактов. Так, в преддверии упразднения Унии в 1830-е гг. (к тому времени белорусские земли после трех разделов Речи Посполитой входили в состав Российской империи) велось переоборудование греко-католических церквей,

¹ *Ярашэвіч А. А. Уступ // Алтарны жывапіс Беларусі XVIII–XIX стагоддзяў [CD-ROM]: віртуальная версія выставы «Алтарны жывапіс Беларусі XVIII–XIX стагоддзяў» у Нацыянальным мастацкім музеі 23 лютага – 10 чэрвеня 2009 г. Мінск, 2009.*

суть которого заключалась в демонтаже атрибутов «латинства», к которым относились и «местные алтари»².

Неизученность этого явления позволяет поставить целый ряд вопросов, на которые мы в данной статье и постараемся ответить: 1) когда и где впервые возникли «местные алтари»; 2) существовали ли региональные особенности в их использовании (отсутствие их в одних регионах и активное использование в других); 3) когда они вышли из употребления (было ли это связано с упразднением Унии или эта практика прекратилась раньше); 4) какими способами (имеется ввиду конструкция, структура) они создавались; 5) какие иконы находились в «местных алтарях»; 6) под какими терминами и характеристиками, кроме словосочетания «местные алтари», эти сакральные объекты фигурировали в документах того времени.

Прежде чем перейти к проблеме исследования, необходимо заострить внимание на некоторых понятиях, которые будут использованы в данной работе. Это касается термина «алтарь». В русской православной традиции под этим словом понимается «часть храма, отделенная от основного пространства иконостасом»³. Однако в данной работе для обозначения названной части храма будет употребляться более широкое и универсальное понятие — «вима», а термин «алтарь» в настоящей статье будет использоваться в западно-христианской трактовке — сакральный комплекс, состоящий из престола (стол, на котором совершается евхаристия) и ретабло (декорация, которая может быть изготовлена в виде отдельной конструкции, нарисована на стене, или выполнена на стене в виде барельефа либо горельефа)⁴. Исторические источники, на основе которых проведено данное исследование, составлены на польском языке. При цитировании они будут воспроизведены нами в оригинале. В них «алтарь» фигурирует как «ołtarz».

В западно-христианской традиции, которая оказала влияние и на униатскую церковь, о чем будет сказано ниже, использовались главный алтарь и боковые. В исторических источниках они фигурируют как «Ołtarz Wielki» (главный алтарь) и «ołtarze poboczne» (боковые алтари). Для их общего определения в белорусской искусствоведческой традиции принято использовать понятие «пристенные алтари», которое сразу же и ориентирует читателя на то, что речь идет об «алтаре» в западно-христианской трактовке этого понятия. Как было отмечено выше, составной частью такого алтаря является престол, который в большинстве проработанных нами польско-язычных документов фигурирует под термином латинского происхождения «mensa» (менса). Изредка в этом же значении встречается слово «prestol».

В значении «иконостас» в большинстве документов используется термин «deisus» (в разных вариациях написания). Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, по мнению визитаторов того времени, «иконостасом» считалась конструкция, расположенная *над* Царскими Вратами. При чем следует отметить, что под словом «deisus» фигурировали все верхние ряды, независимо от их количества, а не только один ярус, для обозначения которого в современном искусствоведении собственно и используется термин «Деисус». В документах XIX в. способ описания иконостаса и используемая терминология,

² Lietuvos valstybes istorijos archyvas (LVIA — Литовский государственный исторический архив). F. 634. Ap. 1. V. 4.

³ Лазука Б. А. Слоўнік тэрмінаў: Архітэктура, выяўленчае і дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва: дапаможнік для вучняў. Мінск, 2001. С. 13.

⁴ Лазука Б. А. Слоўнік тэрмінаў... С. 12.

как правило, уже более близки к современным. Например, в значении «иконостас» употребляется «iconostas» (в разных вариантах написания), а не «deisus»; при перечислении его чинов упоминали и местный чин, который уже к этому времени трактовали как часть иконостаса, а не конструкцию под ним⁵.

«Местные алтари», в отличие от типичных западно-христианских пристенных алтарей, размещались не возле стены, а возле иконостаса. Данное явление — свидетельство синтеза восточно- и западно-христианской традиций в русле униатской Церкви. Униатская (греко-католическая Церковь) — конфессия, созданная в 1596 г. в Речи Посполитой, в состав которой входили и белорусские земли, в результате подписания в г. Бресте церковными иерархами Унии (союза). Храмы, которые были до этого православными, при сохранении своего обряда (греческого) переводились в униатство, в подчинение (как и католичество) папе римскому.

Изначально греко-католические церкви сохраняли свой обряд и, соответственно, способ организации внутреннего пространства, где обязательным был иконостас. Постепенно из-за влияния католичества стали наблюдаться признаки латинизации интерьеров униатских церквей. В некоторых регионах иконостасы вовсе перестали существовать, уступив место пристенным алтарям. Однако кроме церквей, оборудованных исключительно в католических традициях, в значительной части храмов пристенные алтари стали устанавливаться не вместо иконостасов, а одновременно сосуществуя с ними⁶. В ряде церквей функцию боковых алтарей выполняли «местные алтари».

Их возникновение объясняется тем, что это был наиболее простой и бюджетный способ «внедрить» в интерьер униатской церкви сакральные объекты, связанные с католической традицией. Дело в том, что «местные алтари», как уже отмечалось выше, представляли собой иконы местного чина иконостаса, к которым были приставлены престолы. В литургическом плане они могли выполнять те же функции, что и обычные боковые пристенные алтари. Однако их было проще организовать, поскольку не было необходимости создавать ретабло — его функцию выполняла иконостасная икона. Таким образом, «местные алтари» — сугубо униатское явление, которое возникло на пересечении восточно- и западнохристианских традиций.

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ «МЕСТНЫХ АЛТАРЕЙ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

О существовании «местных алтарей» нам стало известно из многочисленных изученных протоколов визитаций (проверок) греко-католических храмов конца XVII – начала XIX в. Наиболее ранние такого рода источники со сведениями о церквях на территории Беларуси относятся к 1680-м гг. Во время работы над данной темой нами были изучены документы из архивов и библиотек Беларуси, России, Литвы, Польши, Украины с описаниями почти двух тысяч приходских, филиальных, кафедральных и монастырских униатских храмов Великого Княжества Литовского. Впервые словосочетание «ołtarze namiestne» встретилось нам в визитах церквей

⁵ Фликон Г. А. Асаблівасці тэрміналогіі пры апісанні іканастансаў у візітацыйных актах уніяцкіх храмаў Беларусі ў канцы XVII – першай трэці XIX стст. // Історія релігій в Україні: Науковий щорічник / Упоряд. О. Киричук, М. Омельчук, І. Орлевич. Львів, 2014. Кн. 2. С. 350–361.

⁶ Фликон-Світа Г. А. Прысценныя алтары ўніяцкіх храмаў Беларусі ў канцы XVII – пачатку XIX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 3. С. 26–37.

Мстиславского официалата⁷ Полоцкой епархии за 1732–1736 гг.⁸ В этом архивном деле описываются около 120 церквей. Большинство из них в то время еще сохраняли иконостасы, однако они уже обзавелись пристенными и «местными» алтарями. Последние фигурируют, например, в такого рода записях: «Ołtarzykow dwa namiesnych»⁹ (д. Починичи, Шумячский р-н Смоленской обл., РФ¹⁰), «Ołtarze dwa namesnych a trzeci bokowu»¹¹ (Дубовица, Шумячский р-н Смоленской обл., РФ).

Позднее, во второй половине XVIII в., данный термин встречается достаточно часто, причем в визитах церквей многих регионов. Интересен тот факт, что разные проверяющие при описании храмов разных епархий использовали именно данное словосочетание. Так, например, фраза «Ołtarze namesne» встречается в визитах следующих деканатов: Логойского за 1763 г.¹², Рогачевского за 1764 г.¹³ и 1792 г.¹⁴, Игуменского за 1766 г.¹⁵, Пуховичского¹⁶ и Блонского за 1783 г.¹⁷, Черейского за 1789 г.¹⁸, Глусского за 1792 г.¹⁹, Бельского, Дрогичинского и Мельницкого за 1797 г.²⁰, Мозырского за 1800 г.²¹ Таким образом, в визитах униатских церквей Киевской, Полоцкой, Владимир-Брестской, Турово-Пинской епархий со второй трети и до конца XVIII в. использовался термин «местные алтари», что, кроме всего прочего, свидетельствует и о наличии таких сакральных объектов в названных регионах.

В ряде документов вместо выражения «ołtarz namiesny» («местный алтарь») употребляется словосочетание «mensa namiesna» («местный престол»). Например, в церкви д. Лучин Рогачевского деканата (Рогачевский р-н Могилевской обл.) в 1792 г. было «Mens namiesnych... cztery»²², в церкви Успения Богородицы местечка Свиридовичи Глусского деканата (Речицкий р-н Гомельской обл.) в 1792 г. было «...mens namiesnych dwie»²³. В этих случаях в иконостасе действительно находились, скорее

⁷ Официалат — церковная административно-территориальная единица в составе епархии, объединяющая несколько деканатов. Деканат — меньшая административно-территориальная единица, состоящая чаще всего из 20–30 приходских церквей. В делопроизводстве униатской церкви понятие «деканат» стало использоваться после Замойского Собора 1720 г. До этого времени (и некоторое время после — по прежней традиции) употреблялся термин «протопопия».

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 823. Оп. 3. Д. 519.

⁹ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 519. Л. 7 об.

¹⁰ Здесь и далее после упоминания населенного пункта в скобках указана его современная административная принадлежность.

¹¹ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 519. Л. 11.

¹² Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ — Национальный исторический архив Беларуси). Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41235. Арк. 1–1 адв.

¹³ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41278. Арк. 52 адв.

¹⁴ НГАБ. Ф. 1245. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 26 адв., 29.

¹⁵ НГАБ. Ф. 1655. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 4.

¹⁶ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41239. Арк. 14 адв.

¹⁷ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41285. Арк. 39 адв.

¹⁸ Archiwum państwowe w Lublinie (APL — Государственный архив в Люблине). Chełmski Konsystorz Greckokatolicki (СКГ — Холмская греко-католическая консистория). Sygn. 143. S. 253.

¹⁹ НГАБ. Ф. 1299. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 6 адв.

²⁰ LVIA. F. 634. Ap. 1. V. 55. L. 3.

²¹ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41244. Арк. 87 адв.

²² НГАБ. Ф. 1245. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 13 адв.

²³ НГАБ. Ф. 1299. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 9 адв.

всего, не алтари, представляющие собой определенную архитектурную конструкцию, а просто престолы под иконами. Об этом свидетельствует тот факт, что один и тот же проверяющий в данных ситуациях использовал разные определения. Употребление словосочетания «местный престол» говорит также и о том, что к тому времени для обозначения рассматриваемого явления уже выработалась и использовалась соответствующая терминология.

Однако необходимо подчеркнуть, что данное явление возникло раньше, чем появились устойчивые определения для него, и продолжало существовать позже. Так, в наиболее старом документе, в котором упоминаются местные иконы с престолами, — визите церкви Св. Варвары в д. Сулятичи Новогрудской протопии (Новогрудский р-н Гродненской обл.) за 1680-ый г. — говорится следующее: «*namiestne obrazy porządnie ubrane z ołtarzami*»²⁴. В этом же архивном деле есть и другой документ с похожими сведениями — протокол проверки церкви Рождества Богородицы местечка Игумена Игуменской протопии (в настоящее время — г. Червень, Червенский р-н Минской обл.) за 1682 г.: «*ołtarz przed obrazem namiesnem Naswięszej Panny*»²⁵.

Даже после того, как появился и стал употребляться термин «местные алтари», некоторые визитаторы по-прежнему продолжали использовать описательные характеристики. Например, в 1759 г. в церкви Рождества Христова г. Пружаны Пружанского деканата (Пружанский р-н Брестской обл.) в иконостасе находились «*Wrata Carskiej... po prawey ręce tych drzwi iest obraz razem i ołtarz*»²⁶. Подобного рода сведения, указывающие на то, что местная икона одновременно является и «алтарем», встречаются в документах достаточно часто. Основной их смысл заключается в том, что в иконостасе в нижнем ярусе иконы одновременно выполняли функцию алтарей. Естественно, такое их «использование» было возможным благодаря тому, что к ним были приставлены престолы.

Имеются и наиболее интересные и красноречивые примеры, когда напрямую в документах указана функция таких конструкций. Так, при описании церкви Св. Космы и Демьяна в д. Любоничи Бобруйского деканата (Кировский р-н Могилевской обл.) за 1818 г. о нижнем ярусе иконостаса говорится следующее: «*...przy Drzwiach Carskich s prawey strony obraz Sgo Mikołaja. Z lewey strony SS Kozmy y Demiana, pod niemi męsy 2wi jak do otrpawienia mszy Nayswięszej przysposobione*»²⁷.

Кроме того, в источниках достаточно часто указывалась не функция сакрального объекта, как в приведенных выше примерах, а место, где он был расположен. И именно такие данные и позволяют понять, что речь идет о «местном алтаре». Например, в церкви Успения Богородицы д. Раковичи Лидского деканата (Щучинский р-н Гродненской обл.) в 1792 г. находился «*Ołtarz pod Deisusem stolarskiey roboty <...> Ołtarz drugi pod Deisusem z obrazem wniebowzięcia Panny Maryi*»²⁸. В данном случае описание указывает на то, что алтари находились под верхними ярусами иконостаса,

²⁴ Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: Зборнік дакументаў / Укладальнік Д. В. Лісейчыкаў. Мінск, 2009. С. 104.

²⁵ Візіты уніяцкіх цэркваў... С. 84.

²⁶ LVIA. F. 634. Ар. 1. В. 48. Р. 1.

²⁷ НГАБ. Ф. 3245. Воп. 5. Спр. 5. Арк. 18 адв.

²⁸ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41244. Арк. 11–11 адв.

из чего и следует, что речь идет о «местных алтарях». Это касается так же, например, Покровской церкви в д. Погорелое Пуховичского деканата (Осиповичский р-н Могилевской обл.), где в 1774 г. было «...Ołtarzow pod starym diesusem koło Carskich Wrat dwa na męsach...»²⁹ Регулярно встречаются примеры, когда расположение алтарей указано относительно Царских Врат. Так, в Свято-Троицкой церкви д. Переров Мозырского деканата (Житковичский р-н Гомельской обл.) в 1800 г. находились «Po prawey stronie Drzwi Carskich ołtarzyk z obrazem...»³⁰

В подобных описаниях достаточно часто вместо слова «ołtarzyk» использовалось слово «mensa». Например, в церкви д. Краснополье Рогачевского деканата (Краснопольский р-н Могилевской обл.) в 1764 г. находился «...obraz namiesny NayS. Panny... na mense»³¹; в церкви Василия Великого д. Седельники Петриковского деканата (Мозырский р-н Гомельской обл.) в 1777 г. в нижнем ярусе иконостаса были «namiesne obrazy, idą po prawey stronie obraz Spasytela y s. Bazylego Wielkiego, z mensą y gradusem, po lewey stronie obraz NayS. Panny y S. Mikołaja, przy którym takoz mensa z gradusem»³².

В некоторых единичных документах вместо слова «mensa» в этом же значении использовался термин «prestoł». Это видно из протоколов проверки церковью Ошмянского повета за 1737 г. и Долгиновского деканата за 1739 г. Например, при описании храма Рождества Богородицы в местечке Бегомль (Докшицкий р-н Витебской обл.) за 1737 г. отмечается наличие «prestoła» под местной иконой «Троицы», находящейся справа от Царских Врат³³, а в Петро-Павловской церкви д. Южное Гнездилово Долгиновского деканата (Докшицкий р-н Витебской обл.) в 1739 г. находились «namiestnych obrazow na prestołach cztery»³⁴.

Возможно, в случаях использования слов «менса»/«престол» вместо «алтаря» (как и в приведенном выше примере относительно употребления словосочетаний «местный алтарь» и «местный престол») визитаторы вкладывали в них разный смысл. Соответственно, под словом «mensa» мог пониматься просто престол под иконой, а в случае использования термина «ołtarz» речь могла идти о более сложной конструкции, которая помимо престола имела еще и ретабло, включенное в иконостас и созданное при помощи колонн, пиластр и др. архитектурных деталей. Но так же вероятно, что на выбор терминологии влиял словарный запас проверяющего: кто-то из них мог использовать понятие «ołtarz», а кто-то в этом же значении употреблял термин «mensa» («prestoł»). Однако к первой версии склоняет то обстоятельство, что при описании разных церквей один и тот же проверяющий мог использовать разные термины. Это говорит о том, что в каждый из них он вкладывал определенный смысл. В качестве примера можно привести Покровскую церковь в д. Дубровке Долгиновского деканата (Докшицкий р-н Витебской обл.), где в 1739 г. находились «местные алтарики»³⁵, тогда как в соседней,

²⁹ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41239. Арк. 7–7 адв.

³⁰ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41244. Арк. 108.

³¹ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41278. Арк. 17.

³² НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41240. Арк. 44.

³³ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 529. Л. 18.

³⁴ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 824. Л. 2 об.

³⁵ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 824. Л. 4.

упомянутой выше, Гнездиловской церкви в это время, по словам того же визитатора, под местными иконами размещались престолы.

Обобщая сведения об используемой терминологии, следует подчеркнуть, что наиболее раннее употребление понятия «местные алтари» относятся к 1730-м гг. С того времени и вплоть до конца XVIII в. данное словосочетание фигурирует во множестве документов, составленных визитаторами разных епархий. Однако одновременно с указанным выражением использовались и другие характеристики для обозначения данного явления, которые обычно были описательными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ «МЕСТНЫХ АЛТАРЕЙ» В УНИАТСКИХ ЦЕРКВЯХ

Как следует из приведенных выше сведений, первые данные из протоколов визитаций о рассматриваемом явлении относятся к 1680-м гг. Это не значит, что оно возникло именно тогда. Дело в том, что не сохранились более ранние материалы с описаниями униатских церквей. Возможно, к этому моменту «местные алтари» существовали уже несколько десятилетий. Однако, в любом случае, масштабы их использования к концу XVII в. были достаточно скромными. Как видно из архивного дела³⁶, в 1680–1682 гг. «местные алтари» упоминаются только в двух случаях (всего в деле фигурируют 212 приходских церквей и 104 часовни). К числу наиболее ранних документов относятся также и визиты 9 униатских церквей (10-ая визита сохранилась фрагментарно), вероятно, Полоцкой протопопии (церковно-административная принадлежность указана только в одной визите) за 1684 г. (с приписками за 1686 г.)³⁷ При описании храма в д. Горспля об алтарях говорится следующее: «ołtarz po prawey stonie Drzwi Carskich Spasa... ołtarz między Carckich y Sewernych Wrat Naysw. Panny»³⁸. Таким образом, отсюда следует, что в церкви находились два «местных алтаря».

Следующий по хронологии известный нам документ с описаниями униатского храма — инвентарь Пинской соборной церкви (г. Пинск Брестской обл.) — относится к 1695 г.³⁹ В этом источнике нет прямых упоминаний ни об иконостасе, ни о «местных алтарях», а также ни об алтарях возле Царских Врат, ни даже о престолах под местными иконами. Однако при внимательном прочтении документа можно прийти к выводу, что, как минимум, один «местный алтарь» в храме все же находился. Об этом свидетельствует следующее описание: «Przed obrazem Nass. Panny od Drzwi Siwierskich po lewie Antependya harusowa»⁴⁰. Ключевым здесь является упоминание антепендиума — декорации, которая закрывала переднюю часть престола. И хотя сам престол в описании не фигурирует, однако наличие антепендиума говорит о том, что он под названной иконой все же был. А о том, что она находилась именно в иконостасе, свидетельствуют данные об ее размещении относительно Северных Врат. Отметим также, что при описании

³⁶ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 42042.

³⁷ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 409.

³⁸ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 409. Л. 3 об.—4.

³⁹ Лісейчыкаў Д. В. Інвентар Пінскай кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай» 1695 г. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 17. 2016. С. 235–245.

⁴⁰ Лісейчыкаў Д. В. Інвентар... С. 241.

боковых алтарей, находящихся в данном храме (для которых используется термин «оltarz»), антепендиумы упоминаются⁴¹. Таким образом, можно высказать достаточно уверенное предположение, что к концу XVII в. в Пинском соборе «местный алтарь» так же присутствовал.

И еще одно архивное дело конца XVII в. следует упомянуть. Речь идет о визите церковью Слонимской, Несвижской, Клецкой, Гродненской, Волковысской, Циринской протопопий за 1696 г.⁴² К сожалению, в нем практически не представлены сведения об интерьерах церквей, однако одно упоминание, касающееся рассматриваемого явления, все же имеется. Так, в церкви местечка Деревная Слонимской протопопии (Слонимский р-н Гродненской обл.) возле Царских Врат находился алтарь Богородицы (при этом в церкви был еще и главный алтарь, который размещался в виме)⁴³. Таким образом, на основании приведенных выше сведений из источников конца XVII в. можно заключить, что к тому времени «местные алтари» хоть и не были массовыми, однако существовали в храмах разных епархий: Киевской, Полоцкой и Турово-Пинской.

Описания приходских церквей начала XVIII в. встречаются в протоколах проверок нескольких протопопий за 1703 г.⁴⁴ Из данных документов следует, что к этому времени во множестве храмов Полоцкой епархии (в деле упоминаются 203 церкви, однако для некоторых из них указано только название храма, а сведения о нем отсутствуют; в самом конце дела приведен список, где перечислены еще 13 церквей, входивших в состав епархии, но данных о них нет) иконостасов было немного, а там, где они все же продолжали существовать, практика использования «местных алтарей», по всей вероятности, еще не внедрилась.

Рис. 1. Фрагмент иконостаса 1676 г. (иконы новые) с эдикулой слева от Царских врат, Успенский собор мужского монастыря в агрогородке Жировичи Слонимского р-на Гродненской обл.
Фото автора, 2017 г.

⁴¹ Лисейчыкаў Д. В. Інвентар... С. 241.

⁴² РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 420.

⁴³ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 420. Л. 1.

⁴⁴ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 455.

Более точные выводы на основе данного архивного дела сделать не представляется возможным, так как в нем даны весьма поверхностные описания храмов, поэтому сложно назвать причину отсутствия в документах упоминаний о рассматриваемом явлении: либо оно тогда не наблюдалось, либо визитаторы не посчитали нужным о нем упомянуть.

Изучая генезис данного явления, нельзя обойти вниманием монастырские церкви, так как именно они, о чем свидетельствуют другие культурно-религиозные явления, достаточно часто были новаторами, и именно от них уже приходские церкви перенимали традиции. Наиболее ранними документами с описаниями интерьеров являются протоколы визитации за 1704 г.⁴⁵, где описываются церкви пяти монастырей Литовской провинции, находящиеся в местечках Вольно Новогрудского повета (Барановичский р-н Брестской обл.), Лысково Волковысского повета, Ружаны (оба — Пружанский р-н Брестской обл.), Жировичи (Слонимский р-н Гродненской обл.), Бытень (Ивацевичский р-н Брестской обл.), три последних — Слонимского повета. Только в церкви Вольнянского монастыря к началу XVIII в. уже не было иконостаса, а имелись главный и два боковых алтаря⁴⁶. То же касается и церкви Св. Василия Бытеньского монастыря, но при этом на территории последнего был и еще один храм — главный — в честь Спасителя, в котором иконостас все же был⁴⁷. Таким образом, в это время иконостасы находились в главных церквях четырех униатских монастырей из пяти описанных. И во всех четырех случаях в их состав входили и «местные алтари», для которых, однако, в тот период данный термин не использовался. Но из контекста следует, что речь идет именно о рассматриваемом явлении: «w którym deysuse dwa są ołtarze, jeden Nays. Panny, a drugi S. Spasa»⁴⁸.

К сожалению, нам не известны описания монастырских церквей этого периода в других регионах. Возможно, в данном случае мы наблюдаем локальное явление, и «местные алтари» к началу XVIII в. в других монастырских храмах еще не существовали. Однако все же может быть, что именно униатские монастыри, причем в разных регионах, и были «законодателями моды» в этом вопросе.

Что же касается дальнейшего распространения «местных алтарей», то внедрение их в практику в приходских храмах происходило достаточно размеренными темпами. Нельзя сказать, что на интенсивность их употребления повлиял Замоиский собор 1720 г. (именно ему приписывается ведущая роль в латинизации униатской церкви). Об этом свидетельствуют визиты церковью Брестского официалата Владимиро-Брестской епархии за 1725–1727 гг.⁴⁹ и церковью Мстиславского официалата Полоцкой епархии за 1732–1736 гг.⁵⁰, проведенные вскоре после названного события. Эти документы в общей сложности отражают состояние трех сотен (!) униатских храмов двух разных регионов и позволяют проследить локальные особенности в вопросах обустройства сакральных интерьеров. «Местные алтари» в этот период находились, судя по историческим источникам, в единичных храмах.

⁴⁵ Научный архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НА СПбИИ РАН). Ф. 52. Оп. 1. Д. 328.

⁴⁶ НА СПбИИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 328. Л. 6–7 об.

⁴⁷ НА СПбИИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 328. Л. 64.

⁴⁸ НА СПбИИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 328. Л. 64.

⁴⁹ АРЛ. СКГ. Sygn. 101.

⁵⁰ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 519.

По всей вероятности, повсеместный и массовый характер «местные алтари» получили с середины XVIII в., и связано это было с постепенным внедрением в униатскую практику латинских традиций, которое было вызвано не постановлениями Замоиского собора, а закономерной трансформацией, происходившей в русле греко-католичества. Именно с середины XVIII в. практически неизменно при описании иконостасов, причем церковью разных регионов, упоминаются эти сакральные объекты. Другое дело, что в некоторых деканатах к этому моменту были единицы церковью с иконостасами (или они вообще отсутствовали), в других же они были очень распространены.

Так, если говорить о региональном аспекте, то в Новогрудском, Виленском, Полоцком, Подляшском, Трокском воеводствах и северо-западной части Минского воеводства — центральная, западная и северо-западная Беларусь и приграничные регионы современной Литвы и Польши — иконостасы в униатских церквях во второй половине XVIII в. (а именно к этому периоду относится большинство источников) были редкостью. Визиты Мядельского и Лагойского⁵¹, Блонского и Пуховичского⁵², Лидского и Слонимского⁵³, Циринского⁵⁴ и Новогрудского⁵⁵, Игуменского⁵⁶, Минского⁵⁷, Несвижского⁵⁸, Подляшского⁵⁹, Браславского, Голубецкого, Бобыницкого, Лепельского, Чашницкого, Борисовского, Черейского, Тетеринского, Бешенковичского, Городищенского⁶⁰ деканатов свидетельствуют о том, что местные храмы были обустроены преимущественно на латинский лад. Показательно, что в начале XIX в. в Гродненском деканате не было ни одной церкви с иконостасом⁶¹. Соответственно, «местных алтарей» в перечисленных деканатах практически не было, так как для их создания был необходим иконостас. Это говорит о том, что в данном регионе латинизация проходила более интенсивными темпами, чем в южной и восточной частях. Интерес вызывает то обстоятельство, что отличие в обустройстве интерьеров наблюдалось не по епархиям, а по географическим регионам, что может стать темой отдельного исследования с выявлением причин.

Однако показательно, что к концу XVIII в. в некоторых деканатах практика использования «местных алтарей» стала настолько естественной и распространенной, что в случае отсутствия этих объектов (либо престолов под иконами нижнего яруса

⁵¹ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41235.

⁵² НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41285.

⁵³ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 53.

⁵⁴ Protokół wizyty jeneralney decanatów Cyrińskiego y Nowogrodzkiego przez x-za Tomasza Woszczełowicza... w roku 1798 czynionej, sporządzony // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 13. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1902. С. 154–235.

⁵⁵ Protokół wizyty jeneralney decanatów Cyrińskiego y Nowogrodzkiego przez x-za Tomasza Woszczełowicza... w roku 1798 czynionej, sporządzony // Археографический сборник... Т. 14. Вильно, 1904. С. 56–126.

⁵⁶ НГАБ. Ф. 1655. Воп. 1. Спр. 2.

⁵⁷ LVIA. F. 634. Ap. 3. B. 400.

⁵⁸ НГАБ. Ф. 3245. Воп. 7. Спр. 3.

⁵⁹ Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (LMAVB — Библиотека академии наук Литвы им. Врублевских). Skyrius mss (рукописный отдел). F. 17. Sign. 155.

⁶⁰ APL. CKG. Sygn. 143.

⁶¹ LMAVB. F. 17. Sign. 158, 159.

иконостаса) об этом делалась в протоколе проверки соответствующая запись. Например, в Антоновском и Демидовском храмах Петриковского деканата (оба в Наровлянском р-не Гомельской обл.) в 1787 г. были соответственно «ikonostas wspaniały z pierwszy kondygnacyi ale bez mens» и «obrazy namiestne Spasytela y Nayswiętszey Panny bez należych mens...»⁶²

«Местные алтари» продолжали находиться в некоторых униатских храмах вплоть до упразднения Унии. Об этом свидетельствуют визиты некоторых церквей начала XIX в. Например, в 1804 г. такие случаи зафиксированы в Дрогичинском⁶³, в 1819 г. — в Бобруйском⁶⁴, в 1822 г. — в Витебском, Тетеринском и Городищенском деканатах⁶⁵. Однако в это время упоминаний о данном явлении встречается немного. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, латинизация привела к тому, что во множестве церквей к началу XIX в. иконостасы вовсе были упразднены, и, соответственно, вместе с ними исчезли и «местные алтари». Во-вторых, достаточно часто «местные алтари», создаваемые как временный сакральный объект, были упразднены после установления классических боковых (пристенных) алтарей. Хотя следует отметить, что в ряде церквей они существовали продолжительное время — об этом красноречиво свидетельствуют описания одних и тех же храмов за разные периоды. В качестве примера можно привести Кобринский деканат, по которому имеются документы с 1759 по 1802 гг. Так, в большинстве церквей, где «местные алтари» были в 1759 г., они продолжали существовать и в 1802 г.⁶⁶ Вероятно, там они находились вплоть до упразднения Унии в 1839 г. Таким образом, рассматриваемое явление имеет историю в полтора столетия.

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ «МЕСТНЫХ АЛТАРЕЙ» И ИХ КОНСТРУКТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ

Говоря о способах создания «местных алтарей», необходимо отметить два основных, наиболее очевидных варианта: 1) приставление престола к ранее существовавшему иконостасу, где местные иконы дополнительно не акцентированы; 2) изначальное создание иконостаса со включенными в его состав эдикулами — архитектурно оформленными нишами для икон, которые композиционно и стилистически были похожи на ретабло пристенных алтарей. Из приведенных выше сведений становится очевидным, что наиболее ранним способом создания «местных алтарей» был первый из названных. Он сохранился и до начала XIX в., хотя к тому времени уже существовала практика создания «местных алтарей» вторым способом. Например, в местечке Городец Мозырского деканата (Столинский р-н Брестской обл.) в 1800 г. в иконостасе размещалась «...obok Drzwi Carskich meńsa z obrazem Zbawicela, z lewey strony meńsa z obrazem Nayswiętszey Panny Maryi»⁶⁷.

Большое количество иконостасов с приставленными «чисто механическим» способом престолами зафиксировано в храмах Брестского официалата Владимиро-Брестской епархии в 1759 г.⁶⁸ В этом архивном деле, составленном очень подробно, речь идет во

⁶² НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41240. Арк. 220 адв., 223.

⁶³ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 59.

⁶⁴ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41256. Арк. 374.

⁶⁵ НГАБ. Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1410. Арк. 8, 84, 143.

⁶⁶ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 48, 56.

⁶⁷ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41244. Арк. 97–97 адв.

⁶⁸ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 48.

множестве случаев именно о престолах под местными иконами. Очевидно, здесь до середины XVIII в. (а то и позже) продолжали существовать старые иконостасы, которые создавались еще в те времена, когда рассматриваемое явление не возникло, а потому и эдикулы не были спроектированы в иконостасах. Как уже отмечалось выше, во время подготовки к упразднению Унии в храмах были уничтожены «местные алтари». В большинстве своем их демонтаж технических сложностей не представлял, так как нужно было просто убрать приставленные к иконостасу престолы, поэтому в белорусских церквях «местных алтарей» не осталось.

Но примеры этого же явления сохранились до нашего времени в греко-католических храмах Словакии в ареале расселения русинов — благодаря им можно составить определенное представление и о «местных алтарях» в церквях этой конфессии на территории Беларуси. Так, в словацком храме Покрова Богородицы д. Едлинка, построенном в 1763 г., к нижнему ярусу иконостаса приставлены престолы⁶⁹. Сами иконы местного чина никаким образом не акцентированы (резной декор вокруг них такой же, как и в верхних рядах). Поэтому в данном случае конструктивно, стилистически «местные алтари» в иконостасе не обозначены.

Постепенно внедрялась практика изготовления иконостасов сразу же с включенными в их состав алтарями. Естественно, престол в таком случае так же необходимо было приставить к иконостасу. Однако в отличие от описанного выше варианта, в этом случае «местный алтарь» представлял собой определенную конструкцию, которая была не просто включена в общую структуру иконостаса, а акцентировалась с помощью архитектурных элементов — колонн, пилястр и т. д.

Из исторических источников известно, что иконостасы с изначально запланированными в их составе алтарями находились в ряде униатских церквей разных регионов Беларуси. Одно из наиболее ранних упоминаний в исторических документах о «местных алтарях», именно включенных в состав иконостаса, относится к Покровской церкви в местечке Койданово (в настоящее время — г. Держинск Минской обл.) Минского деканата в 1779 г. Рассматриваемая конструкция описывается следующим образом: «ołtarzow pobocznych cztery w Deisusie snickerskiey roboty; obok Carskich Wrat ...dwa: Naysw. Panny... drugi Spasytela...». Необходимо также подчеркнуть, что это не говорит об отсутствии такого рода конструкций в более ранний период. Просто из документов не всегда понятно, каким именно образом были устроены «местные алтари».

Но в источниках начала XIX в. сведения о храмах стали приводиться более подробно, логика и терминология визитаторов того времени становятся более понятными и в большей степени соответствуют современным. Именно в этот период чаще встречаются упоминания об определенных резных деталях в иконостасах, которые были предназначены для визуального акцентирования эдикул. Так, в Язвинской церкви Мозырского деканата (Лунинецкий р-н Брестской обл.) в 1800 г. находился иконостас, который описывается следующим образом: «Deisus stolarskiey roboty z snycerskim rznieniem dla namiesnych dwoch ołtarzow»⁷⁰. Про «Ołtarzy w ikonostasie» ведется речь в протоколах проверки Обчужской церкви Черейского деканата (Крупский р-н Минской обл.)⁷¹ и Городокской

⁶⁹ Dudáš M., Gojdič I., Šukajlová M. Piękno Słowackiej Kultury. DREWNIANE CERKWIE I KOŚCIOŁY. Bratislava, 2007. S. 58.

⁷⁰ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41244. Арк. 87 адв.

⁷¹ РГИА. Ф. 824. Оп. 2. Д. 186. Л. 97–99.

церкви одноименного деканата (Городокский р-н Витебской обл.) за 1822 г.⁷² Из приведенных примеров, зафиксированных в документах начала XIX в., напрашивается вывод, что практика создания иконостаса сразу же с эдикулами для «местных алтарей» широко внедрилась только к этому времени.

Однако это не так. Дело в том, что единственный сохранившийся на своем месте и в своей структуре белорусский деревянный униатский высокий иконостас является свидетельством того, что еще задолго до начала XIX в. были известны подобные примеры. Это касается иконостаса Успенского собора Жировичского монастыря, для которого из архивных источников нам удалось выяснить точную дату создания, авторство и имя ктитора: он был заказан в 1676 г. маршалком Великого Княжества Литовского Александром Гилярием Полубинским у столяра Яна Радванского⁷³. Таким образом, к 1670-м гг. практика употребления «местных алтарей» уже настолько внедрилась, что создаваемый в то время новый иконостас изначально и включал в свой состав рассматриваемые сакральные объекты. Возможно, жировичский иконостас является одним из наиболее ранних такого рода примеров; можно даже предположить, что он был одним из «законодателей моды» в данном направлении.

Следует отметить, что данный иконостас имеет каркасную структуру, сформированную опорными вертикалями и горизонтальными перекрытиями. Такие иконостасы на территории Беларуси известны с середины XVII в., о чем свидетельствуют старые фотографии православных и униатских несохранившихся донные памятников. Но необходимо подчеркнуть, что иконостасы такой структуры находились в церквях именно крупных монастырей обеих конфессий (Николаевского и Богоявленского в Могилеве, Маркова в Витебске, Благовещения в Супрасле и т. д.),

Рис. 2. Фрагмент иконостаса 1676 г. (иконы новые) с эдикулой справа от Царских врат, Успенский собор мужского монастыря в агрогородке Жировичи Слонимского р-на Гродненской обл. Фото автора, 2017 г.

⁷² РГИА. Ф. 824. Оп. 2. Д. 183. Л. 183–184.

⁷³ НА СБ ИИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 164. Л. 21 об.

которые, как значимые духовные и культурные центры, имели при себе либо привлекали наиболее талантливых и передовых мастеров своего времени.

Между тем одновременно с каркасными какое-то время продолжали изготавливаться и устанавливаться иконостасы более древнего типа — тябловые. Вероятно, именно они были более распространены в небольших деревенских приходских храмах, но из-за отсутствия артефактов утверждать это не представляется возможным. Они так же могли быть подвержены «новому веянию» по внедрению в структуру иконостаса местных алтарей, которые представляли собой не просто подставленный к нижним иконам престол, а определенную конструкцию. В этом случае иконостас, по всей вероятности, состоял из двух частей: нижняя — архитектурная структура, установленная на полу, которая имела проем(ы) для Царских Врат (и диаконских дверей) и эдикулы для «местных алтарей»; верхняя — тябла с иконами верхних ярусов. До настоящего времени, опять-таки, в белорусских храмах такие структуры не сохранились, однако представление о них можно получить благодаря словацким униатским иконостасам XVIII в. Примеры можно увидеть в храмах прикарпатских деревень Доброслава (Dobroslava), Кореевце (Korejovce), Ладомирова (Ladomirová).

Кроме описанных выше способов создания и вариантов включения «местных алтарей» в иконостас необходимо упомянуть и еще один. Это касается одноярусных иконостасов с «местными алтарями», которые, очевидно, представляли собой конструкцию, подобную описанной в предыдущем примере, только в этом случае над ней не было верхних чинов.

Рис. 3. Алтарная преграда в боковом приделе церкви Преображения Господня д. Порплище Докшицкого р-на Витебской обл., первая треть (?) XVIII века.
Фото автора, 2018 г.

Вероятно, необычным одноярусным иконостасом с «местными алтарями» была когда-то барочная алтарная преграда из церкви Преображения Господнего д. Порплище Докшицкого р-на Витебской обл. В настоящий момент она находится в храме скорее в качестве декора. В этой преграде имеются три проема — очевидно, для Царских и диаконских врат⁷⁴. Для икон пространства здесь практически нет: могли быть размещены только две между дверными проемами. Вполне возможно, что к ним были приставлены престолы. Но наиболее вероятным нам кажется второй вариант: между вратами были установлены, как отдельные конструкции, «местные алтари». Фактически это могло выглядеть так же, как поставленные у стены обычные боковые пристенные алтари, только в данном случае роль такой стены выполняла гладкая алтарная преграда. Вероятно, именно эта конструкция упоминается в визите за 1737 г. Там говорится о наличии в местном чине Царских врат, справа от которых размещалась икона Христа Спасителя, слева — Покрова Богородицы, упоминаются диаконские двери⁷⁵. Вверху висели разрозненные иконы. Видимо, они к данной конструкции отношения не имели, а самостоятельно крепились на балках под потолком. В 1748 г. упоминаются четыре местных алтаря, сюжеты образов в двух из которых соответствовали сюжетам икон в местном чине иконостаса, а два другие вмещали иконы Св. Николая и Св. Георгия-Победоносца⁷⁶. Скорее всего, они не входили в эту конструкцию, а размещались по бокам от диаконских дверей, либо на стене, к которой были приставлены менсы, либо в отдельных конструкциях.

Таким образом, из выше сказанного о вариантах изготовления «местных алтарей» следует: 1) наиболее простым и, очевидно, ранним способом было приставление престола к нижним иконам иконостаса; 2) в последней четверти XVII в. уже существовали многоярусные каркасные иконостасы, которые изначально включали с своей состав эдикулы для «местных алтарей»; 3) многоярусные тяловые иконостасы фактически формировались из двух частей: нижней — с проемами для сакральных дверей и эдикулами для «местных алтарей» — и верхней — с рядами икон на тялах; 4) одноярусные иконостасы с «местными алтарями» могли представлять собой конструкцию с эдикулами и проемами для Царских Врат и диаконских дверей; 5) функцию иконостаса с «местными алтарями» могла выполнять гладкая (в виде стены) алтарная преграда, к которой приставлялись отдельные конструкции, похожие на классические пристенные алтари.

СЮЖЕТЫ ИКОН В «МЕСТНЫХ АЛТАРЯХ»

Однако интерес представляют не только вопросы наличия «местных алтарей» в храмах и способы их создания, но также и такой аспект, как сюжеты икон в этих алтарях. Естественно, что изначально изображения в рассматриваемых сакральных объектах были достаточно однообразны, — это обусловлено определенными канонами относительно программы иконостаса. Так, традиционно в нижнем ярусе возле Царских Врат справа помещалось изображение Иисуса Христа, слева — Божией Матери, а по сторонам

⁷⁴ Ожешиковская И. Н. Особенности сохранившегося греко-католического интерьера Спасо-Преображенской церкви в деревне Порплище Витебской обл. (XVIII – первая половина XIX в.) // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 20. Мінск, 2016. С. 96–102.

⁷⁵ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 529. Л. 23.

⁷⁶ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 553. Л. 149.

от них, как правило, находились иконы Св. Николая и изображения того святого (либо библейского сюжета), в честь которого освящен данный храм. Иногда в нижнем ярусе могли быть и некоторые другие композиции. Поэтому очевидно, что в наиболее ранних «местных алтарях» и находились иконы названных сюжетов. Однако постепенно, с развитием данного явления и с его более интенсивным включением в обрядовую практику, в «местных алтарях» стали устанавливаться иконы с изображениями наиболее почитаемых в униатской церкви святых.

Самые ранние известные нам примеры этого зафиксированы в документе за 1732 г.: в Межинской церкви Горецкой протопопии (Оршанский р-н Витебской обл.) в левом «местном алтаре» находилась икона Антония Падуанского, в правом — Иосафата Кунцевича⁷⁷. Один из двух «местных алтарей» в Дмитриевской церкви Кшичева Брестского деканата (теперь на территории Польши) в 1757 г. включал иконы Св. Иосифа и Антония Падуанского: «ołtarzow namiestnych 2, jeden Nayswięzszy Panny stolarskiey roboty... drugi ołtarz S. Jozefa y Świętego Antoniego»⁷⁸. В это же время подобное явление наблюдалось во многих церквях региона. Так, в соседнем храме Воздвижения Св. Креста в Нэплях (в настоящее время он находится на территории Польши) были два «местных алтарика», в каждом из которых над основными иконами Св. Онуфрия и Св. Николая размещались соответственно иконы Антония Падуанского и Франциска Ксаверия⁷⁹. В церкви Иоанна Богослова д. Кустын рассматриваемого Брестского деканата (Брестский р-н Брестской обл.) один из местных алтарей также был посвящен Антонию Падуанскому⁸⁰.

В Рогозенской (Жабинковский р-н Брестской обл.) и Здитовской (Березовский р-н Брестской обл.) церквях Кобринского деканата и Чернянской (Малоритский р-н Брестской обл.) Полесского деканата в 1759 г. возле Царских Врат находились иконы Антония Падуанского с престолами (во всех случаях кроме них были и другие иконы: Христа и Богородицы)⁸¹. В 1802 г. в церкви Михаила Архангела д. Половцы Каменецкого деканата (сейчас на территории Польши) один из «местных алтариков» также был посвящен Антонию Падуанскому⁸². Такие же примеры размещения иконы названного святого зафиксированы в Городецкой церкви Мозырского деканата (Столинский р-н Брестской обл.) за 1800 г.⁸³ и в Малевичской церкви Рогачевского деканата (Жлобинский р-н Гомельской обл.) за 1784 г., где, кроме того, в одном из «местных алтарей» находилось и более редкое изображение — Святого Винцента⁸⁴. В иконостасе Луковицкой церкви Полесского деканата (Малоритский р-н Брестской обл.) в 1759 г. в «местном алтарике» помещалась икона Иосафата Кунцевича⁸⁵.

Приведенные примеры являются чрезвычайно интересными, так как они свидетельствуют о том, что «местные алтари» ввели в иконостас — атрибут

⁷⁷ РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 519. Л. 41.

⁷⁸ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 50. L. 40.

⁷⁹ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 50. L. 41 ap.

⁸⁰ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 50. L. 53.

⁸¹ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 48. P. 119, 121, 173.

⁸² LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 50. L. 101.

⁸³ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41244. Арк. 94.

⁸⁴ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41241. Арк. 146 адв.

⁸⁵ LVIA. F. 634. Ap. 1. B. 48. P. 190.

восточно-христианского храма — изображения святых, почитаемых в католичестве. Необходимо подчеркнуть, что упомянутые Антоний Падуанский и Иосафат Кунцевич были одними из наиболее чтимых в униатской церкви святых. Их изображения находились в большинстве храмов, где они размещались, как правило, в боковых алтарях. Чем объясняется широкий культ католического святого Антония Падуанского в униатской церкви — сложно объяснить. А вот Иосафат Кунцевич — единственный «свой» святой греко-католической Церкви Беларуси, мученик за веру, поэтому такое его почитание не вызывает удивления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что, во-первых, в результате проведенного исследования был установлен факт существования утраченных доньше уникальных сакральных конструкций, которые возникли в греко-католических храмах, — «местных алтарей». Данные объекты являются необычным примером синтеза восточно- и западно-христианских традиций. Поскольку исследование проводилось на основе исторических документов, то был изучен также и такой источниковедческий аспект, как терминология при описании «местных алтарей» в протоколах проверок униатских церквей в конце XVII – начале XIX в. Было установлено, что упомянутое словосочетание впервые было использовано в визитах храмов Мстиславского официалата за 1732–1736 гг.

Во-вторых, на основе исторических документов удалось определить наиболее раннюю и самую позднюю даты точного существования «местных алтарей»: 1676 и 1822 гг. Но следует отметить, что получение в дальнейшем новых данных, возможно, позволит еще более расширить хронологические границы. Кроме того, были выявлены регионы и периоды наиболее активного использования в богослужебной практике «местных алтарей» — Владимиро-Брестская и Турово-Пинская епархии во второй половине XVIII в.

В-третьих, были выявлены варианты создания этих сакральных объектов, из которых основными являются два: 1) приставление престола к иконостасу, в котором местные иконы не акцентированы; 2) изначальное создание иконостаса со специальными алтарями-эдикулами для местных икон. Примеры были найдены среди греко-католических храмов Словакии, где до наших дней сохранились иконостасы XVIII в. с «местными алтарями» обоих названных типов.

В-четвертых, было установлено, что алтарная живопись не ограничивалась набором традиционных сюжетов, к которым относились канонические для нижнего чина иконостаса изображения Иисуса Христа, Богородицы, Св. Николая. В «местных алтарях» вместо привычных икон могли устанавливаться изображения святых, канонизированных католической церковью, например, Антония Падуанского, Винченца Фереры, Франциска Ксаверия. Одним из почитаемых святых, изображение которого встречалось в «местных алтарях» храмов разных регионов, был мученик за униатскую веру — Иосафат Кунцевич.

Таким образом, «местные алтари» — это уникальное культурно-религиозное явление, просуществовавшее в униатских храмах Беларуси полтора столетия, для которого было свойственно не только своеобразное размещение в храме и необычная структура, но и интересная сюжетная программа.

Информация о статье

Автор: Фликоп-Свито, Галина Александровна — кандидат искусствоведения, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь, OrcID 0000-0002-0787-7548; e-mail: halinka13@yandex.ru

Заголовок: «Местные алтари» — уникальное явление греко-католической Церкви Беларуси (конец XVII — начало XIX в.)

Резюме: В статье рассматривается уникальное культурно-религиозное явление, которое сформировалось и существовало около полутора веков в греко-католической (униатской) Церкви Речи Посполитой — алтари, включенные в состав иконостаса. Для обозначения этих сакральных объектов в униатском делопроизводстве XVIII в., как стало известно из многочисленных проработанных исторических документов, использовался польскоязычный термин «ołtarze namieszne» («местные алтари»). «Местные алтари» создавались при приставлении престола к иконам местного (нижнего) чина иконостаса — отсюда и название. Их возникновение связано с внедрением в униатскую религиозную практику, которая изначально сохраняла восточно-христианскую обрядность, западно-христианских традиций. «Местные алтари» являлись альтернативой традиционным для католичества боковым пристенным алтарям. В богослужбной практике они использовались с той же целью — на них могли служить заказные мессы, но в изготовлении это был более простой и бюджетный способ: необходимо было только приставить престол к иконостасу под местную икону. Со временем сформировался способ создания иконостасов с изначально включенными в них эдикулами — архитектурно оформленными нишами для местных икон, которые визуально напоминали ретабло традиционных архитектурных алтарей. При упразднении униатской церкви в 1839 г. храмы были переведены в православие, а все атрибуты католичества демонтированы. До настоящего времени на территории Беларуси не сохранилось ни одного полноценного «местного алтаря» с престолом. Данное исследование проведено на основе исторических документов конца XVII — начала XIX в. с описаниями около двух тысяч приходских, филиальных, монастырских и кафедральных греко-католических церквей на территории Беларуси. Установлено, что к 1676 г. практика использования «местных алтарей» уже существовала, о чем свидетельствует выявленная нами дата создания единственного сохранившегося в Беларуси униатского иконостаса с эдикулами — из церкви Успения Богородицы монастыря в местечке Жировичи Слонимского р-на Гродненской области. Таким образом, «местные алтари» к последней четверти XVII в. вошли в униатский обиход, где употреблялись до начала XIX в. Из-за полной утраты артефактов до настоящего времени об этом сакральном явлении в греко-католических церквях Беларуси не было известно.

Ключевые слова: «местный алтарь», иконостас, нижний чин иконостаса, греко-католическая церковь, престол, местная икона

Литература, использованная в статье:

Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: Зборнік дакументаў / Укладальнік Лісейчыкаў, Дзяніс Васільевіч. Мінск: І. П. Логвінаў, 2009. 270 с.

Лазука, Барыс Андрэевіч. Слоўнік тэрмінаў: Архітэктура, выяўленчае і дэкаратыўна-прыкладное мастацтва: дапаможнік для вучняў. Мінск: Беларусь, 2001. 158 с.

Лісейчыкаў, Дзяніс Васільевіч. Інвентар Пінскай кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай» 1695 г. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 17. 2016. С. 235–245.

Ожешковская, Ирина Николаевна. Особенности сохранившегося греко-католического интерьера Спасо-Преображенской церкви в деревне Порпилице Витебской обл. (XVIII – первая половина XIX в.) // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 20. Мінск: Права і эканоміка, 2016. С. 96–102.

Радзевіч, Ірена Романовна. Структура алтаря и его эволюционное развитие в католическом храме // Вестник Брестского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 18–20.

Флікоп, Галіна Аляксандраўна. Асаблівасці тэрміналогіі пры апісанні іканастасаў у візітацыйных актах уніяцкіх храмаў Беларусі ў канцы XVII – першай трэці XIX стст. // Історія релігій в Україні: науковий щорічник / Упоряд. Киричук, Олександра; Омельчук, Марія; Орлевич, Ірина. Львів: Львівський музей історії релігії, вид-во «Логос», 2014. Кн. 2. С. 350–361.

Флікоп-Світа, Галіна Аляксандраўна. Іканастас Успенскага сабора ў Жыровічах: новыя звесткі па пытанні атрыбуцыі // Беларускі гістарычны часопіс. 2017. № 2. С. 13–24.

Флікоп-Світа, Галіна Аляксандраўна. Прысценныя алтары ўніяцкіх храмаў Беларусі ў канцы XVII – пачатку XIX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 3. С. 26–37.

Ярашэвіч, Аляксандр Адамавіч. Уступ // Алтарны жывапіс Беларусі XVIII – XIX стагоддзяў [CD-ROM]: Віртуальная версія выставы «Алтарны жывапіс Беларусі XVIII – XIX стагоддзяў» у Нацыянальным мастацкім музеі 23 лютага – 10 чэрвеня 2009. Мінск: Нацыянальны мастацкі музей, 2009. *Dudáš, Miloš; Gojdič, Ivan; Šukajlová, Margita.* Piękno Słowackiej Kultury. Drewniane cerkwie i kościoły. Bratislava: Dajama, 2007. 127 s.

Information about the article

Author: Flikop-Svita, Halina Aljaksandrawna — PhD in Art History, The Centre for the Belarusian culture, language and literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, OrcID 0000-0002-0787-7548; e-mail: halinka13@yandex.ru

Title: «Local altars» — a unique phenomenon of the Greek-Catholic church in Belarus (late 17th – early 19th centuries)

Summary: The article discusses the unique cultural and religious phenomenon which was formed and existed for about a century and a half in the Greek Catholic (Uniate) Church of the Rzeczpospolita — altars, included in the iconostasis. To denote these sacred objects in the Uniate records of the 18th century, as it became known from numerous researched historical documents, the Polish-language term «ołtarze namieszne» («local altars») was used. «Local altars» was created with the setting of the throne to the icons of the local (lower) rank of the iconostasis — hence the name. Their occurrence is related to the adoption of Uniate religious practices, which was originally preserved in the Eastern Christian rites, the Western-Christian traditions. «Local altars» is an alternative to the traditional Catholicism of the side wall of the altars. In liturgical practice they were used with the same purpose — they can serve custom-made mass, but in manufacturing it was more simple and budget method: it was necessary only to put the throne to the iconostasis under the local icon. With time, formed a way of creating iconostases originally included in them aedicules — architecturally designed niches for local icons, which visually resembled the traditional architectural retablo altars. With the abolition of the Uniate Church in 1839 temples were converted to Orthodoxy, and all attributes of Catholicism were dismantled. Up to the present time on the territory of Belarus has no surviving full «local altar» with the throne. The study was conducted on the basis of historical documents of the late 17th – early 19th centuries with descriptions of nearly two thousand parish, branch, monastery and Cathedral Greek-Catholic churches in Belarus. It was found that by 1676 the practice of using «local altars» already existed, as evidenced by the revealed date of creation of the only preserved in Belarus, Uniate iconostasis with aedicules from the Church of Assumption monastery in Zhirovičy village, Slonim district of Grodno region. Thus, the «local altars» to the last quarter of the 17th century became the Uniate practice, where it was used until the early 19th century. Due to the complete loss of the artifacts to date, this sacred phenomenon in the Greek-Catholic churches in Belarus was not known.

Keywords: «local altar», the iconostasis, the lower rank of the iconostasis, the Greek Catholic Church, the throne, the local icon

References:

Dudáš, Miloš; Gojdič, Ivan; Šukajlová, Margita. *Piękno Słowackiej Kultury. Drewniane cerkwie i kościoły* [*The Beauty Of Slovak Culture. Wooden Orthodox churches and temples*]. Bratislava: Dajama Publ., 2007. 127 p. (in Polish).

Flikop, Halina Alyaksandrawna. Asablivastsi terminalohii pry apisanni ikanastasaw u vizitatsiynykh aktakh uniyatskikh khramaw Belarusi w kancy XVII – pershay tretsi XIX stst. [Features Terminology for Describing the Iconostases in the Audit Acts Uniate Churches in Belarus in the End of the 17th – the First Half of 19th Century], in Kirichuk, Oleksandra; Omelchuk, Mariya; Orlevich, Irina (eds). *Istoriya religiy v Ukraini: Naukoviy shhorichnyk*. Lviv: Lviv Museum of the History of Religion, «Logos» Publ., 2014. Vol. 2. Pp. 350–361. (in Belarusian).

Flikop-Svita, Halina Aljaksandrawna. Ikanastas Uspenskaha sabora w Zhyrovichakh: Noviya zvestki pa pytanni atrybutsyi [The Iconostasis of the Assumption Cathedral in Zhyrovichy: New Information on the Issue of Attribution], in *Belaruskі historychny chasopis*. 2017. No. 2. Pp. 13–24. (in Belarusian).

Flikop-Svita, Halina Aljaksandrawna. Prystsenyya altary wniyatskikh khramaw Belarusi w kantsy XVII – pachatku XIX st. [The Wall Altars of the Uniate Temples of Belarus at the End of the 17th – beginning of the 19th century], in *Belaruskі historychny chasopis*. 2016. No. 3. Pp. 26–37. (in Belarusian).

- Lazuka, Barys Andreevich. *Slownik terminaw: Arkhitektura, viyavlenchae i dekaratywna-prykladnoe mastactva*: Dapamozhnik dlya vuchnyaw [*Glossary: Architecture, Fine and Decorative Arts: A Guide for Students*]. Minsk: Belarus' Publ., 2001. 158 p. (in Belarusian).
- Liseychykaw, Dzyanis Vasilevich. Inventar Pinskay kafedral'nay sabornay tsarkvy «Svyatoy Prachystay» 1695 h. [Inventory of the Pinsk Cathedral Church «Holy assumption» in 1695], in *Belaruski arkheahrafichny shtogodnik*. Issue 17. 2016. Pp. 235–245. (in Belarusian, in Polish).
- Liseychykaw, Dzyanis Vasilevich (ed.). *Vizity uniyatskikh tserkvav Minskaha i Navahrudskaha saboraw 1680–1682 gg.*: Zbornik dokumentaw [*Visits of Uniate Churches of Minsk and Novogrudok Councils in 1680–1682: A Collection of Documents*]. Minsk: I. P. Lohvinaw Publ., 2009. 270 p. (in Belarusian, in Polish).
- Ozheshkovskaya, Irina Nikolaevna. Osobennosti sokhranivshegosya greko-katolicheskogo inter'era Spaso-Preobrazhenskoy tserkvi v derevne Porplishche Vitebskoy obl. (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Features preserved Greco-Catholic interior of Holy Transfiguration Church in the Village of Porplishhe Vitebsk Region (18th – First Half of the 19th Century)], in *Pytanni mastatstvaznavstva, etnologii i fal'klarystyki*. Issue 20. Minsk: «Prava i ekanomika» Publ., 2016. Pp. 96–102. (in Russian).
- Radzevich, Irena Romanovna. Struktura altarya i ego evolyutsionnoe razvitie v katolicheskom khrame [The structure of the altar and its evolutionary development in a Catholic Church], in *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2012. No. 1. Pp. 18–20. (in Russian).
- Yarashevich, Alyaksandr Adamavich. Ustup [Introduction], in *Altarny zhyvapis Belarusi XVIII–XIX stahoddzyaw* [CD-ROM]: Virtual'naya versiya vystavy «Altarny zhyvapis Belarusi XVIII–XIX stahoddzyaw» u Natsiyanal'nym mastatskim muzei 23 lyutaga – 10 chervenya 2009. Minsk: Natsyyanal'ny mastatski muzey Publ., 2009. (in Belarusian).